

Алексей ПЕТРОВ – Светлана РУДАКОВА

**ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОСОФСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ОД
М. В. ЛОМОНОСОВА НА НОВЫЙ 1762 И 1764 ГОД****Peculiarities of the Historiosophic Content of
M. V. Lomonosov's Odes for The New Year 1762 and 1764****Abstract**

The article deals with the formation of artistic historiosophy in the Russian literature of the 18th century. The main attention in the study is focused on the odic works of M.V. Lomonosov. The research proves that Lomonosov in his odes used not only constant historiosophemes and ideologemes obtained from the general fund of philosophical, historical and political knowledge of his time, but also his own historiosophemes. The analysis of the two insufficiently studied M.V. Lomonosov's works – "... on Accession to the Throne and for the New Year 1762" and "... for the New Year 1764" – proves that the individualized historiosophic concept was developed in them. The circle of Lomonosov's main historiosophic ideas is revealed, for example, summing up of reigning, prosperity of Russia under the power of the House of Romanovs, "golden times", the dying and reviving god and generally useful work for the benefit of Russia.

Keywords. *artistic historiosophy, XVIII century, Enlightenment, ode, M. V. Lomonosov, historiosopheme*

Историософия как научное понятие

На рубеже XIX–XX вв. Н. И. Кареев в статье, написанной для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, указал на тождество понятий «философия истории» и «историософия», отметив, что последний термин «на русской почве» «не привился» [КАРЕЕВ 2007] и упомянув, что впервые слово «историософия» в терминологическом значении, по-видимому, было использовано В. Цешковским (V. Cieszkowski) в работе 1838 г. «Prolegomena zur Historiosophie». Само же понятие «философия истории», как известно, было предложено Ф. М. А. Вольтером во введении 1756 г. к «Опыту о всеобщей истории и о нравах и духе народов».

Современные учёные также не делают принципиального разграничения терминов «историософия» и «философия истории» (см.: [АРТЕМЬЕВА 1996, 2005], [СЕМЁНОВ 2003], [ПОДОЛЬ 2009]). Хотя предлагаемое некоторыми исследователями (см.: [САВЕЛЬЕВА, ПОЛЕТАЕВ 1997: 275–279], [НОВИКОВА, СИЗЕМСКАЯ 1997: 8], [ПЕРОВ 2000], [МАЛИНОВ 2001: 3–11], [МАЛИНОВ 2003: 10–12]) размежевание *историософии*, *философии истории*, *истории культуры*, *метафизики истории*, *историологии* и пр. как разных по времени возникновения, предмету и способу осмысления истории форм философствования теоретически оправдано, на практике их разделение трудноосуществимо.

Складывающаяся ныне в гуманитаристике, и в частности, в литературоведении, традиция более предпочтительным считает понятие «историософия»: ощущается подспудное желание отделить *философию истории* как политизированное и идеологизированное учение от *историософии* в той её трактовке, которая восходит к русским религиозным философам конца XIX – первой трети XX в.

Сам предмет историософии научно был определён сравнительно недавно, в XVIII в. – в Европе, в XIX – в России; именно тогда, по мнению большинства исследователей, история и философия стали утверждать себя в качестве научных дисциплин. Донаучный же этап существования историософского знания охватывает тысячелетия. Ю. И. Семенов, например, считает, что первое известное нам *историософское учение* было создано египетским фараоном Аменхотепом IV, жившим в XIV в. до н. э. Первую *историософскую концепцию* (всемирной истории) этот же исследователь связывает с именем Блаженного Августина (V в.), и эта концепция была, как известно, провиденциалистской [СЕМЁНОВ 2003]. Помимо учений и концепций, историософское знание бытовало (и продолжает бытовать) в облике *идей и представлений*, которые можно обнаружить как в архаических мифах разных видов (космогонических, календарных, этиологических, героических и пр.), так и в современных мифологиях.

Историософская мысль в России до XVIII в. (условно – до эпохи Просвещения) жила на религиозном (христианском) мировоззрении, как и все формы философствования, научного поиска и художественного творчества в Древней Руси. В рамках древнерусской историософии (X–XVII вв.) сформировалось несколько идеологий и концепций, в которых библейские историософемы сочетались с актуальными политическими идеями: происхождения Русской земли и власти на Руси; богоизбранности русского народа; русского народа как «нового народа»; теории казней божиих; «Москвы – третьего Рим» и др. Соответствующие представления перейдут и в историософские построения Нового времени, представая иногда в самых неожиданных формах.

В XVIII в. историософия обретает качество научности, хотя собственно философско-исторические труды в России будут созданы только в XIX в. Как и другие области знания, историософия стала опираться на рациональные методы естественных и точных наук и вместе с последними постепенно устраняла из истории все внеположенные ей силы, всё сверхъестественное. В целом просветительская историософия носила деистический характер. Именно в XVIII столетии «историософия мира», характерная для Средневековья, окончательно трансформировалась в «историософию общества», генезис которой исследователи относят к началу Нового времени (Н. Макиавелли, Ф. Бэкон) [САВЕЛЬЕВА, ПОЛЕТАЕВ 1997: 277]. Отстранившись от теологического объяснения хода истории, просветители задумались о «естественных» основаниях общественно-исторической деятельности людей и исторического процесса. В качестве таких основ выступили «законы природы» (они же законы разума, или естественные законы, или законы истории) и «человеческая природа».

Историософия как область знания совсем недавно признана пограничем между философией и историографией. И тогда же, на рубеже XX–XXI вв.,

диада начинает уступать место триаде: третьим компонентом историософии оказывается литература (в широком смысле, не только как художественная литература, но и как литература non-fiction).

Специфика художественной историософии

Художественная историософия в отличие от научной индивидуальна и даже персональна. Об этом свидетельствует и направленность современных литературоведческих исследований, названия которых репрезентируют чаще всего именно индивидуально-авторскую художественную историософию (Ср.: [МАРИНЯК 2005], [НИКОЛАЕВА 2006], [ПЕТРОВ 2004, 2010, 2015], [ПЕРОВ 2000: 23–24], [АФАНАСЬЕВ 2002]).

Однако нельзя механически переносить выводы, сделанные философами и историками, специалистами по XVIII в., на литературу этого столетия. Доверимся профессионалам и не станем оспаривать такое, например, утверждение: «Философы того времени, как правило, не ощущали потребности открыть смысл истории, уяснить место и роль современности в историческом процессе. <...> Интересным для философа в истории становилось не исторически своеобразное, неповторимое, а, напротив, одинаковое, внеисторическое, что собственно историей и не является» [ПЕРОВ 2000: 23–24]. Писатели же XVIII в., в том числе дилетанты и любители, уникальностью событий и личностей интересовались очень живо, и смысл прошедшего, настоящего и будущего их занимал не меньше, чем нас. То же должно сказать и об историках XVIII в., которыми по большей части были те же самые литераторы (См.: [АФАНАСЬЕВ 2002]).

В нашей науке о литературе предпринимались уже попытки определить и художественную историософию (См.: [ИСУПОВ 1992], [ЮСУФОВ 1996], [СТЕННИК 1995, 2004], [ПЕСКОВ 2007], [ТАРАСОВ 2006] и др.). Обобщая существующий опыт исследования историзма и историософии в литературе, предложим рабочее определение интересующего нас понятия: *художественная историософия* – это выраженная в образной форме индивидуально-неповторимая совокупность религиозно-мистических, политических, философских, научных, наивно-эмпирических и прочих представлений писателя о движении и судьбах общества (страны, мира, Вселенной) и отдельного человека (семьи, рода, сословия) во времени истории и за его пределами – в вечности.

Одический жанр в его историософском «измерении»

В неиссякающем потоке современных работ, посвящённых оде XVIII в., отчётливо различимы два главенствующих направления научных изысканий: 1) поэтика (См.: [СЕМЕНОВ 2003], [КИСТАНОВА 2015]), и 2) тот оригинальный, а для последующих эпох уже неестественный и невозможный конгломерат политического, публицистического и художественного дискурсов, в скрещенье которых развивалась ода как лирический жанр (См.: [ABRAMZON, PETROV 2017], [GORJASNEVA 2014], [КАЛУГИНА 2015], [КОРОВИН 2015], [ПЕТРОВ 2015], [ЧЕРНОВ 1935], [LEVITSKIY 1977]). Открытия, сделанные на этом общем для гуманитарных и общественных наук поле, многочисленны и бесспорны.

Менее впечатляют достижения на другой пограничной территории – той, где сходятся поэзия, история и философия. Явного интереса к историософским смыслам русской поэзии XVIII в., и в частности, к историософскому содержанию од, исследователи не выказывают, что, конечно, не означает отсутствия самих этих смыслов и содержания.

В ломоносовских произведениях выделить ряд важнейших историософем как исторической науки, так и словесности XVIII в., которые в более полной версии, уходящей корнями в самое петровскую эпоху, выглядят следующим образом: 1) «Пётр I – основатель “новой” России», 2) «начиная с петровской эпохи молодое российское государство прогрессивно развивается», 3) «просвещённые монархи, наследники Петра на российском престоле, способствуют развитию культуры, особенно наук». Каждая из данных идеологем содержит в себе в свёрнутом виде некую «историю», или «исторический миф», – рассказ о прошлом, которое «перетекает» в будущее (см.: [ABRAMZON ET AL. 2016]). Наличие в этом «мифе» временного измерения вкупе с авторской интерпретацией описываемых событий и делает его *историософемой*.

Историософемы одической поэзии М. В. Ломоносова

Безусловно, в сознании Ломоносова присутствовали константные историософемы и идеологемы, в основном почерпнутые им из общего фонда философского, исторического и политического знания того времени. Три описанные выше составные части «мифа» о Петре I как раз и являются такими константами (и, следовательно, Ломоносову как автору не принадлежат) и именно поэтому кочуют из одной работы о его творчестве в другую. Однако если попытаться описать историософскую концепцию ломоносовских од путём простого перечисления в хронологическом порядке составляющих её основных идей, то в лучшем случае получится схема с неустраняемыми внутренними противоречиями. Более серьёзными ошибками чревата уверенность в том, что по одной оде, например, по считающейся репрезентативной и растасканной на весьма выборочные цитаты оде 1747 г., можно судить об историософском наполнении всех остальных и об одической историософии в целом. Анализ ломоносовских од привёл нас к убеждению, что во многих из них развита индивидуализированная историософская концепция.

Рассмотрим «Оду Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Федоровичу, Самодержцу Всероссийскому, Пресветлейшему Владетельному Герцогу Голстинскому, Высокому Наследнику Норвежскому и протчая, и протчая, и протчая, Всемилостивейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное восшествие на Всероссийский Наследный Императорский Престол и купно на новый 1762 год в изъявление истинных радости, усердия и благоговения всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов» (25–28 дек. 1761 г.), точнее, историософские аспекты поднимаемых в оде проблем.

Мифополитическое её содержание сконцентрировано на вопросах преемственности: будет ли Пётр III продолжать внешнюю и внутреннюю политику

своей предшественницы; станет ли он новым «Великим Петром»? Уверенность в этом выражает сама Елизавета Петровна, «отходящая в вечность»:

«<...> И ныне отхожу с покоем:
Отечество Тобой, Героем,
Превыше будет всех держав» [ЛОМОНОСОВ 1959].¹ (753)

Дух Елизаветы летит в небеса, где его встречают «преславные предки» и где

Среди Геройского собора
Лучем божественного взора
Яснейший протчих дух Петров <...>,
Десницу простирая Дщери,
К себе в небесный вводит кров. (753)

Словами духа Петра автор оды подводит итоги прошедшего царствования (строфы с 8-й по 12-ю):

Россия по Тебе спокойна:
Ты возвратила в ней урон, –
Ты кровь Мою возобновила,
В наследство Внука утвердила <...>.
Тобой цветет Мой град любезный,
Петрополь славный и полезный <...>.
За истинную добродетель
Земля Тебе давала плод;
Всегда преклонен был Содетель,
В довольстве множил Твой народ. (754)

Примечательно, что главной заслугой Елизаветы, а значит, основным итогом её царствования Ломоносов (устами Петра I) объявляет брак Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны. И это понятно, поскольку согласно представлениям одического поэта процветание России возможно только под властью дома Романовых. И потому

Цветет от Нашей Отрасль крови,
Дражайший Павел, Правнук Мой.
Продлит Господь Его Потомки, <...>
Прославит брани и покой. (755)

Во второй половине оды (строфы с 14-й по 25-ю) описывается ближайшее будущее страны, а также предлагается долгосрочная программа её развития. Для воссоздания картин будущего Ломоносов использует мифологему «златых времён»:

Оставив высоту прекрасну,
Я небо вижу на земли <...>. (756)

¹ Далее сочинения Ломоносова цитируются по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Возможно, хилиастические видения поэта в декабрьской оде 1761 г. более, чем в других его одах, «заземлены», наполнены конкретно-историческим содержанием, представляя собой *программу* разнообразных мероприятий, рекомендуемых к исполнению «новому» Петру Великому.

Выраженного представления об историческом рубеже, к которому подошла Россия в начале 1760-х гг., в оде нет, но, несомненно, есть осознание исчерпанности одной эпохи и начала новой. Связь между ними выражена с помощью мифологемы *умирающего и воскресающего бога (солнца)*, важной составляющей которой было представление об обновлении царской власти. Каких конкретных политических шагов ожидать от нового императора, Ломоносов не знал, но хотел верить, и духи Петра I и Елизаветы Петровны в том уверяли, что всё останется таким же, как при них, по крайней мере не хуже. Кроме того, тема новолетия, впервые вошедшая в ломоносовскую оду, актуализировала циклическую концепцию движения времени. Оставалось лишь уповать, что «золотой век», установившийся в России при Елизавете, о чём неоднократно объявлял Ломоносов в своих одах и надписях, сохранится (то есть повторится) и при «новом» Петре. Но было ещё одно следствие проникновения в одический жанр темы Нового года, фактически же *темы времени*. Во всей полноте оно раскроется в оде «на 1764 год» – последнем одическом творении Ломоносова.

По своему объёму «Ода Всепреспетлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, которою Ея Величество в новый 1764 год всенижайше поздравляет всеподданнейший раб Михайло Ломоносов» (19–29 декабря 1763 г.) уступает только оде 1742 г. и насчитывает 320 стихов. Те немногие советские и современные российские учёные, кто уделил специальное, хотя и мимолётное внимание последней ломоносовской оде, оказываются на удивление единодушными, не находя в столь просторном тексте «богатого» содержания. Нам представляется, что таковое в оде есть и мнимая его непрявленность есть следствие поисков Ломоносовым новых поэтических форм для выражения этого не столь уж и необычного для оды содержания.

Полагаем, что события ноября–декабря 1761 г., а затем и июня 1762 г. не только поставили Ломоносова перед тем фактом, что на его глазах ушла целая историческая эпоха, но и заставили задуматься над соотношением жизни временной и жизни вечной. Всего за два года ему пришлось «воспеть» трёх монархов; убедиться, что планы и надежды (например, на продолжение «золотых времён» и возрождение «нового» Великого Петра) совсем не совпадают с реальностью; осознать, что не только Рюриковичи, но и Романовы Россией уже не правят, хотя и приходится называть бывшую немецкую принцессу «Петровой внукой»; почувствовать, что силы уходят и дух «слабеет», а так много ещё не сделано. Неудача июльской оды 1762 г. и поданное через месяц после её опубликования прошение об отставке говорят о том, что увидеть себя, своё место в изменившейся исторической обстановке Ломоносову какое-то время не удавалось (см. письмо графу М. И. Воронцову от 24 июля 1762 г.); в те же почти дни, когда писалась ода «на 1764 год», он подводит итоги своей деятельности (см. письмо тому же адресату от 19 января 1764 г.).

Думаем, новогодняя ода отразила некий момент самоопределения Ломоносова в непростой для него ситуации. И ода свидетельствует о том, что выход был найден и что идеология жанра устояла.

Россия и её благо по-прежнему остаются в центре внимания Ломоносова как одического поэта, но теперь особое значение для него приобретает *труд* подданных и монарха по достижению этого благополучия. Если внимательно приглядеться к картинам «золотого века», рисуемым автором, то можно заметить, что они представляют собой результат объединённых усилий Природы, Екатерины II и «славенов рода», выполняющих конкретную программу, сроки которой ограничены грядущим годом. Таким образом, для осуществления «золотого века» надо трудиться, и в оде трудятся все: солнце, времена года, силы природы, музы, Екатерина и Павел, россы и даже Бог. В монологе Премудрости (строфы 18–19-я) воцарение Екатерины соотносится с «началом времён» – созидательным и мудрым трудом Творца (794–795).

Итак, сквозной идеей новогодней оды 1763 г. является, по нашему мнению, идея *общепольной деятельности*, единственно способствующей реальному поступательно-прогрессивному движению России к благу. Труд заполняет *время* (вполне конкретное, *историческое* – предстоящий 1764 год) всех действующих лиц оды, придавая этому времени *осмысленность и объективную ценность*.

Изображение труда, а точнее деятельности в её временной протяжённости, и составляет, в частности, то новое для одического жанра, что Ломоносов художественно пытается освоить. Для этого ему, прежде всего, пришлось учиться поэтически передавать *движение и полноту времени*. По нашим наблюдениям, почти в каждой из тридцати двух строф оды содержится образ времени либо мотив движения, а целая четверть произведения (строфы с 7-й по 14-ю) посвящена описанию хода времени – круговорота сезонов.

Сосредоточенность поэта на проблеме времени, внимание к различным его типам и формам движения позволяют предположить, что круг устойчивых историософских идей Ломоносова должен был существенно расшириться и обновиться. Ведь буквально за два года (1761–1763 гг.) одическая художественная историософия обогатилась идеей *разнокачественности* временных модусов: обнаружилось, что прошлое, настоящее и будущее обладают разной «плотностью», событийной наполненностью именно потому, что одно уже прошло, другое длится, третье пока ещё не наступило. Эти модусы, кроме того, воспринимаются и переживаются автором по-разному. Так, если в одах, написанных до 1761 г., прошлое, настоящее и будущее России являлись равно «славными», то теперь в одический жанр входит представление о различиях между тем, *что* было, есть и будет. В «исторические чувства» одического поэта проникают двойственное отношение к прошлому, усталость от настоящего и тревога за будущее. Можно даже сказать, что от понимания времени как «объекта» Ломоносов сделал шаг к субъективному его восприятию. Иными словами, если раньше поэт описывал время, особенно прошлое, «со стороны», как наблюдатель, то теперь он осознал себя частицей истории (прошедшего «елизаветинского века») и одновременно её автором – историописателем и творцом будущего.

Потенциально в историческое сознание Ломоносова готовы были войти представления об *историческом настоящем* как основе исторической мысли современного человека; о различии *социального* времени и времени *жизни природы*, времени *мифологического* и *исторического*; о более тесной, чем казалось ему ещё лет десять назад, взаимосвязи «*большой*» истории (то есть политической жизни) и истории «*малой*» (частной жизни); о том, что прогресс вполне реален, но осуществим отнюдь не по мановению монаршей руки и не волею небес, но лишь неустанным *созидательным трудом* всех слоёв общества. Одновременно на периферию историософских предпочтений Ломоносова-одописца явно отодвигались никак не желавшие осуществляться в историческом времени утопии архаического и библейского происхождения, а также провиденциализм.

Воссоздавая «исторические портреты» властителей прошлого и настоящего, рисуя картины «золотых времён», описывая сезоны, наконец, поместив себя в мир персонажей оды, Ломоносов-поэт вплотную подошёл к проблеме художественной индивидуализации. Осознать эту проблему изнутри, вчувствоваться в неё смогли поэты следующего поколения и иных литературно-эстетических пристрастий. Так, сентиментализм обогатил литературу представлением о текучести чувств и изменчивости восприятий, в том числе относящихся к переживанию времени; а предромантизм признал индивидуальность этих чувств, восприятий и исторических эпох.

Библиография

- АРТЕМЬЕВА, Т.В. [ARTEM'eva T.V.] 1996: Русская историософия XVIII века. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Государственный Университет [Russian historiosophy in the 18th century, Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskij Gosudarstvennyj Universitet].
- АРТЕМЬЕВА, Т.В. [ARTEM'eva T.V.] 2005: От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. Санкт-Петербург: Алетея [From a glorious past to a bright future: Philosophy of History and Utopia in Enlightenment Russia, Saint-Peterburg: Aletejâ].
- АФАНАСЬЕВ, Э.Л. [AFANAS'ev, È.L.] 2002: На пути к XIX веку (Русская литература 70-х гг. XVIII в. – 10-х гг. XIX в.). Москва: ИМЛИ РАН [Towards the Nineteenth Century (Russian Literature of the Seventeenth Century to the Ten Years of the Nineteenth Century), Moscow: IMLI RAN].
- ИСУПОВ, К.Г. [ISUPOV, K.G.] 1992: Русская эстетика истории. Санкт-Петербург: Издательство ВГК [Russian aesthetics of history, Saint-Petersburg: VGK].
- КАЛУГИНА, Е.Б. [KALUGINA, E.B.] 2015: Духовная ода и переложение псалмов в современном литературоведении [Spiritual ode and the transposition of psalms in contemporary literary studies] // Наука о человеке: гуманитарные исследования [Human Science: Humanitarian Studies], 2/20: 74–83.
- КАРЕЕВ, Н. [KAREEV, N.] 2022: Философия истории [Philosophy of history] // Библиотека «Въхи» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html> (дата обращения: 15.01.2022).

- КИСТАНОВА, А.В. [KISTANOVA, A.V.] 2015: Жанр оды в теоретической рефлексии английских поэтов XVII – XVIII Веков (А. Каули, У. Конгрив, Э. Юнг) [Genre of Ode in 17–18th Centuries English Poets' Theoretical Reflection (A. Cowley, W. Congreve, E. Young)] // *Libri Magistri* 2015/1: 9–17.
- КОРОВИН, В.Л. [KOROVIN, V.L.] 2015: К истолкованию «Оды, выбранной из Иова» М. В. Ломоносова: (богословский аспект) [To Interpretation of – the Ode Chosen from Job by M. V. Lomonosov: (Theological Aspect)] // *Libri Magistri*, 2015/1: 18–24.
- ЛОМОНОСОВ М.В. [LOMONOSOV, M.V.] 1959: Полн. собр. соч. Т. VIII. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР [Complete collection of works Vol. VIII. Moscow-Leningrad: Publishing house AN SSSR].
- МАЛИНОВ, А.В. [MALINOV, A.V.] 2001: Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. Санкт-Петербург: Издательско-торговый дом «Летний сад» [Philosophy of History in Russia. Summary of a university special course, Saint-Petersburg: Letnij sad Publishing house].
- МАЛИНОВ, А.В. [MALINOV, A.V.] 2003: Философия истории в России XVIII века. Санкт-Петербург: Издательско-торговый дом «Летний сад» [Philosophy of History in Eighteenth-Century Russia, Saint-Petersburg: Letnij sad Publishing house].
- МАРИНЯК, Р.С. [MARINÁK, R.S.] 2005: Історіософія поезії Ліни Костенко [Istoriosophy of poetry by Lina Kostenko]: автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. філол. наук. Харків.
- НИКОЛАЕВА, Т.В. [NIKOLAËVA, T.V.] 2006: Историческая поэзия Ф. И. Тютчева в контексте развития русской поэзии XIX века [F. I. Tyutchev's Historiosophic Poetry in the Context of the Development of Russian Poetry in the 19th Century]: автореф. дисс. ... филол. наук. Кострома.
- НОВИКОВА, Л.И. – СИЗЕМСКАЯ И.Н. [NOVIKOVA, L.I., SIZEMSKAĀ, I.N.] 1997: Русская философия истории [Russian Philosophy of History]: Курс лекций. Москва: ИЧП «Издательство Магистр» [Moscow: Magistr].
- ПЕРОВ, Ю.В. [PEROV, Ū.V.] 2000: Историчность и историческая реальность. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество [Historicity and historical reality, Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obšestvo].
- ПЕСКОВ, А.М. [PESKOV, A.M.] 2007: «Русская идея» и «русская душа» ['Russian idea' and 'Russian soul']: Очерки русской историософии. Москва: ОГИ [Moscow: OGI].
- ПЕТРОВ, А.В. [PETROV, A.V.] 2004: «Осьмнадцатое столетие» А. Н. Радищева: исторические открытия просветительского сознания ['The Eighteenth Century' by A. N. Radishchev: Historical Discoveries of Enlightenment Consciousness] // Филологические науки [Philological Sciences] 2004/2: 21–30.
- ПЕТРОВ, А.В. [PETROV, A.V.] 2010: Поэты и история: очерки русской художественной историософии. XVIII век. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет [Poets and history: Essays on Russian artistic historiosophy. XVIII century. Magnitogors: Magnitogorskij gosudarstvennij universitet].
- ПЕТРОВ, А.В. [PETROV, A.V.] 2015: Духовидческие стихи С. С. Боброва на кончину императрицы Екатерины II [S. S. Bobrov's Visionary Verses On Depart of The Empress Catherine II] // *Libri Magistri* 2015/2: 18–26.
- ПОДОЛЬ, Р.Я. [PODOL', R.Ā.] 2009: Теория исторического процесса в русской историософии 1920 – середины 1930-х гг. [The theory of historical process in Russian historiosophy 1920 - mid 1930's.]: автореферат дис. ... д-ра филос. наук. Москва.
- САВЕЛЬЕВА, И.М. – ПОЛЕТАЕВ, А.В. [SAVEL'ËVA, I.M. – POLETAËV, A.V.] 1997: История и время. В поисках утраченного. Москва: Языки русской культуры [History and time. In the search for the lost. Moscow: Āzyki russkoj kul'tury].

- СЕМЁНОВ, Ю.И. [SEMĚNOV, Ū.I.] 2003: Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. Москва: «Современные тетради» [Philosophy of history. General theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to our days, Moscow: Sovremennye tetradi].
- СТЕННИК, Ю.В. [STENNIK, Ū.V.] 1995: Историософские аспекты содержания русской драматургии XVIII века (Жанр трагедии). Санкт-Петербург: Наука [Historiosophic aspects of the content of Russian drama of the XVIII century (Genre of tragedy), Saint-Petersburg: Nauka] // Сериальные издания «XVIII век». Выпуск 19: 70–85.
- СТЕННИК, Ю.В. [STENNIK, Ū.V.] 2004: Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. Санкт-Петербург: Наука [The idea of "ancient" and "new" Russia in literature and social-historical thought of the 18th - early 19th centuries, Saint-Petersburg: Nauka].
- ТАРАСОВ, Б.Н. [TARASOV, B.N.] 2006: Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте. Москва: Наука [F. I. Tyutchev's Historiosophy in Modern Context, Moscow: Nauka].
- ЧЕРНОВ, С.И. [ČERNOV, S.I.] 1935: М. В. Ломоносов в одах 1762 г. [M. V. Lomonosov in odes 1762.] // XVIII век. Сб. ст. и материалов. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР [Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR] 133–155.
- ЮСУФОВ, Р. [ŪSUFOV, R.] 1996: Историософия и литературный процесс: Средние века и Новое время. Москва: Специализир. издательско-торговое предприятие «Наследие» [Historiosophy and Literary Process: Middle Ages and Modern Times, Moskva: Specializir. izdatel'sko-torgovoe predpriätie «Nasledie»].
- ABRAMZON ET AL. 2016: Abramzon, T. E., Zaitseva, T. B., Kozko, N. A., Rudakova, S. V. Cultural Mythology in the 18th Century Russia: Definition, Typology, Ways Of Functioning // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016 Conference Proceedings: 651–658.
- ABRAMZON T., PETROV 2017: Odic Versions of the 'Social Contract' in 18th-Century Russia // Quaestio Rossica, vol. 5/2: 406–424.
- GORYACHEVA, O. N. 2014: Art world in psalm versifications of M. V. Lomonosov // Journal of Language and Literature 5/4: 238–242.
- LEVITSKIY, A. A. 1977: Russian The Sacred Ode (Oda Duhovnaja) in Eighteenth-Century Literary Culture. Michigan: Ann Arbor.
- SOLOVYEV, K. 2017: Rule and have full power over the happiness semantics of power in the solemn odes of M. V. Lomonosov // Dialog so Vremenem 59: 151–168.

Алексей Владимирович ПЕТРОВ
Магнитогорский государственный технический
университет имени Г. И. Носова
Магнитогорск, Российская Федерация
alexpetrov72@mail.ru
ORCID 0000-0002-3664-4487

Светлана Викторовна РУДАКОВА
Магнитогорский государственный технический
университет имени Г. И. Носова
Магнитогорск, Российская Федерация
rudakovamasu@mail.ru
ORCID 0000-0001-8378-061X

